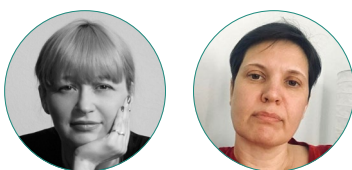

DOI: [10.14515/monitoring.2020.6.1691](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1691)

Ж. В. Чернова, Л. Л. Шпаковская

**«НА ДРУГИХ НАДЕЙСЯ, А САМА НЕ ПЛОШАЙ».
ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ КАК ДИСКУРСИВНАЯ
СТРАТЕГИЯ НОРМАЛИЗАЦИИ БИОГРАФИЙ МОЛОДЫХ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦ СРЕДНЕГО КЛАССА**

Правильная ссылка на статью:

Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. «На других надейся, а сама не плошай». Прагматический индивидуализм как дискурсивная стратегия нормализации биографий молодых представительниц среднего класса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 173—194. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1691>.

For citation:

Chernova Z. V., Shpakovskaya L. L. (2020) "God Help Those Who Help Themselves". Pragmatic Individualism as a Discursive Strategy for Normalizing the Biographies of Young Middle-Class Women. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 173–194. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1691>. (In Russ.)

«НА ДРУГИХ НАДЕЙСЯ, А САМА НЕ ПЛОШАЙ». ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ КАК ДИСКУРСИВНАЯ СТРАТЕГИЯ НОРМАЛИЗАЦИИ БИОГРАФИЙ МОЛОДЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦ СРЕДНЕГО КЛАССА

ЧЕРНОВА Жанна Владимировна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия; доцент факультета свободных искусств и наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: chernova30@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3416-5287>

Шпаковская Лариса Леонидовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: slarisalarisa@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-4206-4702>

Аннотация. Статья посвящена тому, как молодые женщины образованного городского среднего класса дискурсивно оформляют свой жизненный проект. Авторы анализируют категории и дискурсы, которые используют молодые представительницы образованного городского среднего класса для обоснования своих выборов в сфере семьи и работы. В статье также рассматривается, каким образом они интерпретируют социальную поддержку государства как одного из источников своего благополучия.

“GOD HELP THOSE WHO HELP THEMSELVES”. PRAGMATIC INDIVIDUALISM AS A DISCURSIVE STRATEGY FOR NORMALIZING THE BIOGRAPHIES OF YOUNG MIDDLE-CLASS WOMEN

Zhanna V. CHERNOVA^{1,2} — Dr. Sci. (Soc.), Senior Researcher; Associate Professor of the Faculty of Liberal Arts and Sciences

E-MAIL: chernova30@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3416-5287>

Larisa L. SHPAKOVSKAYA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher

E-MAIL: slarisalarisa@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-4206-4702>

¹ Sociological Institute of the RAS — a branch of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

² Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article deals with how young Russian women from the educated, urban middle class discursively draw up their life project. The authors analyze the categories and discourses that middle-class young females use to substantiate their choices related to family and work. The article also examines how they understand social support of the state as a source of their well-being.

The authors show that urban middle-class young women do discursive work to normalize their life stories,

Авторы показывают, что молодые женщины образованного городского среднего класса в процессе биографического интервью проводят дискурсивную работу по нормализации своих жизненных историй, приводя их в соответствие с культурными представлениями о приличии (respectability), характерными для среднего класса и его стиля жизни. Это способ производства себя как субъекта, включающий эмоциональную работу по приведению своих чувств и говорения о них в соответствие с конвенционально заданными культурными и классовыми представлениями о приличии.

Эмпирическим материалом выступили биографические интервью с женщинами — представительницами трех поколений ($N = 45$). В фокусе анализа были интервью с молодыми женщинами в возрасте до 35 лет, имеющими детей. В качестве дополнительной информации использовались публикации тематических форумов и групп в социальных сетях, посвященные материнству.

На основе анализа интервью авторы описывают дискурс прагматического индивидуализма — личного решения на основе компетентного рационального выбора. Дискурс представляет собой объяснительные модели различных жизненных выборов, совершаемых молодыми женщинами. Идея поиска себя и стремления самореализоваться в различных сферах жизни выступает одним из лейтмотивов этого дискурса, что требует от индивида постоянного развития личностных и профессиональных компетенций. В статье показано, как работает дискурс прагматического индивидуализма в нарративах молодых женщин о своих стратегиях в сфере занятости, семьи и получения государственной помощи.

bringing them into line with the cultural notions of respectability that are characteristic of the middle class and its lifestyle. This is a way of producing the self as a subject embracing emotional work of bringing one's feelings and speaking about them in accordance with conventionally set cultural and class ideas of decency.

The article is based on biographical interviews with women ($N = 45$) representing three generations. Analysis is focused on the interviews with young women under 35 who have children. Publications on thematic Internet forums and social media groups devoted to motherhood were used as additional information sources.

Based on the analysis of the interviews, the authors describe the discourse of pragmatic individualism implying individual decisions based on rational choice. The discourse represents explanatory models of various life choices made by young women. The idea of searching for self and striving to fulfill oneself in different spheres of life is one of the leitmotifs of this discourse, which requires individuals to constantly develop personal and professional skills. The article shows how the discourse of pragmatic individualism works in the narratives of young women about their strategies concerning employment, family, and government assistance.

Ключевые слова: средний класс, гендерное неравенство, дискурсивные стратегии, рынок труда, социальная политика, брак

Keywords: middle class, gender inequality, discursive strategies, labor market, social policy, marriage

Ведение

Статья посвящена тому, каким образом молодые женщины образованного городского среднего класса дискурсивно оформляют свой жизненный проект, вписывая его в доминирующие неолиберальные идеологии. Мы изучаем биографические нарративы, в которых они создают систему смыслов, позволяющую интерпретировать их жизненные траектории исходя из имеющихся ресурсов (семейные капиталы, позиции на рынке труда). На основе биографических историй женщин мы реконструируем категории, используемые ими для осмысления себя в качестве гендеризированных субъектов в нарративах о занятости, браке и опыте взаимодействия с социальной политикой государства.

Молодые представительницы российского образованного городского среднего класса проводят культурную работу по сигнификации и легитимации своего жизненного проекта, вписывая его в смысловые рамки допустимого и приемлемого. В биографических интервью они конструируют свою нарративную идентичность через нормализацию своих жизненных историй, приводя их в соответствие с культурными представлениями о приличии (respectability) [Skeggs, 1997]. Под приличием понимаются классовые и групповые конвенции относительно стиля жизни и потребления, гендерных аспектов биографий, базирующиеся на моральных оценках, выносимых социальными акторами в отношении поведения друг друга [Рахон, 2004]. Индивиды оказываются подотчетными своему окружению, тем или иным способом выносящему оценки их поведению, а также сравнивают себя и свои достижения с теми, кого они полагают социально близкими себе. Выстраивая собственный биографический проект и дискурсивно представляя его в интервью, индивиды ориентируются на свои представления о приличиях, свойственных их классовой морали. Такая дискурсивная работа представляет собой способ производства себя как субъекта [Lawler, 2000] и включает эмоциональную работу по приведению своих чувств и говорения о них в соответствие с конвенционально заданными культурными и классовыми гендерными нормами [Hochschild, 1998; Illouz, 2007].

В теоретическом смысле мы опираемся на традиции микросоциологии [Гофман, 2000] и социологии эмоций [Hochschild, 1998], связанные с изучением индивидуальной работы по поддержанию социального лица. Для нас важны также культуральные исследования субъективности класса и гендера, которые обращают внимание на роль медиа и политики, производящих культурные образцы, которые индивиды используют для производства себя, своих представлений о приличии, интерпретации отношений с другими, а также для выстраивания собственных моделей поведения [Skeggs, 1997]. Анализируя классовые стили жизни, П. Бурдье показывает роль классовой динамики в производстве символического порядка, а также моральных суждений о приличном и достойном как

суждениях вкуса [Bourdieu, 1996]. Таким образом, с точки зрения этих подходов класс может рассматриваться не как социальная структура, а как культурные различия, постоянно производимые и поддерживаемые в повседневной коммуникации.

Занимая доминирующую позицию в символическом пространстве, средний класс обладает гегемонией на производство культурной нормы, привлекательных гендерных и семейных образцов и профессиональных биографий, задает шкалу моральных оценок. Символические порядки гендера и класса выстраиваются на разнообразных системах различения, основанных в том числе на оценке морально-этических качеств, поведения и образа жизни индивидов, которые маркируются как приличные, респектабельные, достойные, в отличие от других, не представляющих символической значимости. В этом смысле категория приличия указывает на соответствие культурным образцам, а также используется для символического дистанцирования от других как тех, кто не соответствует нормам приличия, не является благополучными, то есть не достоин социального одобрения. Содержательное наполнение этой категории контекстуально. Оно оформляется официальным дискурсом, масскультурными репрезентациями, базируется на повседневной интуиции и классово-гендерной морали.

Индивидуальный жизненный проект рассматривается нами как результат дискурсивной работы по позиционированию себя в рамках символического порядка, который производится под влиянием неолиберальной идеологии, роста значения постматериалистических ценностей [Инглхарт, 2018] и индивидуализации. «Текущая современность» [Бауман, 2008] характеризуется неопределенностью и высокой волатильностью во всех сферах общественного устройства, что приводит к формированию противоречивой ситуации, когда тенденции индивидуализации стиля жизни, персонификации жизненных траекторий и выборов сочетаются со стремлением индивидов стабилизировать свою жизненную траекторию, «правильно» дискурсивно представить себя в системе социальных различений. Мы также показываем, как на индивидуальном уровне реализуется неолиберальная идеология, предлагающая индивидам постоянно совершенствовать себя для достижения собственного благополучия через развитие в себе ответственности и эффективности (как в работе, так и в личной жизни). На основе анализа данных мы вводим понятие дискурса прагматического индивидуализма как особого типа повседневного дискурса, разделяемого молодыми женщинами среднего класса, стремящимися выстроить для себя систему интерпретаций и совместить противоречивые требования индивидуализации, соответствия приличиям и достижения эффективности в разных сферах жизни.

Социально-экономический контекст стиля жизни молодых представителей городского образованного среднего класса

Социологический анализ биографических нарративов молодых женщин — представительниц среднего класса позволяет увидеть дискурсивные способы (вос)производства классовых различий и стилей жизни в современном российском обществе. Совершаемая респондентками дискурсивная работа направлена на поддержание своего социального лица, что дает возможность изучения до-

минирующих представлений о «правильной», «приличной» и «достойной» женской биографии.

Наши респондентки, родившиеся в 1990-х годах, могут быть названы первым постсоветским поколением, взрослевшим в условиях развития рынка, быстрых социальных изменений, возрастающих рисков и нестабильности, а также появления социальных различий классового типа [Радаев, 2020]. Либерализация экономической сферы привела к существенному изменению структуры рынка труда, массовизации новых постиндустриальных профессий и сфер занятости, связанных с производством знаний и услуг [Мобильность и стабильность, 2017]. Контекстом взросления молодых женщин, принявших участие в нашем исследовании, стало также формирование общества потребления, благодаря которому они не были знакомы с дефицитом товаров и услуг, задававшим жизненный опыт представителей более старших поколений [Абрамов, Зудина, 2010; Гладарев, Цинман, 2007; Ушакин, 1999]. Если их родители, чьи формативные годы пришлись на позднесоветский период, самостоятельно осваивали новые потребительские практики в ситуации быстрого классовообразования и поляризации стилей жизни [Левинсон, 2008], первое постсоветское поколение взрослело в ситуации, когда многообразие потребительского выбора стало нормой в контексте сложившегося символического порядка, основанного на новых экономических и социальных различиях [Дюк, 2003]¹.

Мы изучаем представительниц образованного среднего класса, проживающих в мегаполисах. Пространственная стратификация современного российского общества задает социально-экономический контекст их жизни, который характеризуется большой долей постиндустриальной экономики и типов занятости, требующих высшего образования и высокой профессиональной квалификации, развитой социальной, образовательной и культурной инфраструктурой, высокого уровня человеческого капитала и концентрации среднего класса [Тихонова, 2010]. Число жителей так называемой первой России, по оценкам экспертов, составляет около 30% от общей численности населения [Zubarevich, 2013]. Для них характерны стиль жизни глобального среднего класса современного общества и транснациональное пространство модернизированных семейных укладов и гендерных отношений [Чернова, 2012]. Крупные города в модели стратификации пространства «центр — периферия» являются точками притяжения внутренней образовательной и трудовой миграции, в том числе за счет привлекательности доминирующего в них «продвинутого» городского образа жизни.

Постсоветские трансформации затронули сферу семьи и родительства как на уровне дискурсов, так и на уровне практик. Родители наших респонденток в начале 2000-х годов активно осваивали быстро развивавшуюся индустрию детства и идеологию нового ответственного родительства, коммерциализированные практики интенсивного материнства, противопоставляя свой стиль родительства советским образцам заботы о детях [Чернова, Шпаковская, 2011]. Для молодых женщин 1990-х годов рождения ответственное родительство на уровне как идеологии, так и воспитательных практик стало не просто результатом индивиду-

¹ См. также 30 фактов о современной молодежи (исследование Сбербанка и Validata). URL: http://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/youth_presentation.pdf (дата обращения: 20.12.2020).

ального выбора, а обязательным элементом жизненного сценария городского образованного среднего класса [Shpakovskaya, 2015].

Представители первого постсоветского поколения могли рассчитывать на ресурсы родительских семей, которые те накапливали в период экономической стабилизации и роста уровня жизни (жилье, загородная недвижимость, банковские вклады). Возможность опираться на семейные капиталы определила специфику профессиональных и жизненных стратегий молодых представителей городского образованного среднего класса, которая была связана не с необходимостью выживания и преодоления материальных трудностей, а со стремлением к самореализации и поиску себя. В этом контексте постматериалистических ценностей стала особенно заметна важность индивидуального выбора, необходимость совершенствования которого артикулируется эмоциональной культурой среднего класса и поддерживается инфраструктурой психологического консультирования и поп-психологии (книги, журналы по популярной психологии, лекции и выступления популярных психологов, группы самопомощи) [Adamson, Salmenniemi, 2017; Лернер, 2011]. Респондентки включаются в отношения эмоционального капитализма, используя навыки контроля эмоций для улучшения своих жизненных шансов, отношений с партнером и положения на рынке труда.

Таким образом, жизненные проекты молодых представительниц образованного среднего класса формировались в условиях экономического роста и развитой потребительской инфраструктуры, когда ценности самовыражения и индивидуализации жизненных траекторий стали неотъемлемой частью самоидентификации. При этом их принадлежность к российскому среднему классу связана со стандартизацией жизненных биографий, разворачивающихся в относительно сложившемся пространстве стилей жизни российского общества, в котором семья становится способом приобрести «респектабельность» (от respectable [Skeggs, 1997]) через соответствие характерным для него гендерным и потребительским образцам.

Биографические нарративы молодых женщин: методы анализа и интерпретации

Эмпирическим материалом выступили биографические интервью с женщинами, родившимися в 1990-х годах, имеющими опыт оплачиваемой занятости и материнства ($N = 15$). Данные интервью — часть более широкой базы (45 биографических интервью с представительницами трех поколений), собранной в проекте, посвященном изучению трансформациям гендерного гражданства женщин в России. Критериями отбора респондентов выступали брачно-репродуктивный статус (опыт замужества и материнства), опыт работы (в государственном или частном секторе). Выборка формировалась в два этапа. На первом этапе использовались социальные сети исследователей. На втором этапе новые респондентки находились методом снежного кома. Интервью проводились очно, в доверительной обстановке, в соответствии с этическими нормами социологического исследования.

Интервью с молодыми женщинами выступали основным источником информации, поскольку в данной работе мы фокусируем наше внимание на опыте именно младшей возрастной когорты. Интервью с женщинами других возрастов использовались для сравнения и выделения специфики опыта и приписываемых

ему значений, характерной именно для молодых женщин. В качестве источника дополнительной информации также были проанализированы публикации тематических форумов и групп в социальных сетях, посвященные материнству. Их анализ позволил поместить собранные интервью в более широкий смысловой контекст, понять их не как индивидуальные высказывания отдельных женщин, а как опирающиеся на общеразделяемые смысловые категории.

Для анализа биографических нарративов, а также постов на форумах был использован метод тематического кодирования [Flick, 2006]. Транскрипты всего массива данных интервью и текстовые сообщения, опубликованные в онлайн-сообществах, кодировались при помощи программы ATLAS.ti. В процессе кодирования мы использовали закрытый список тем, относящихся к (1) описанию занятости: условий и оплаты труда, отношений на рабочем месте, выбора места работы; (2) брачной истории: истории поиска и взаимоотношений с партнером, репродуктивные планы, родительские практики; (3) восприятию мер социальной политики и социальных прав женщин. На основе кодирования были выделены типичные категории, используемые информантками для описания и интерпретации своего опыта в сферах занятости, семьи и отношения к социальной политике. Эти категории были также сопоставлены с аналогичными категориями в интервью со старшими поколениями для того, чтобы выявить специфику интерпретаций и жизненного опыта представительниц молодой когорты.

Аналитическая интерпретация значений категорий анализа позволила сопоставить их смыслы и связать их как часть общего дискурса, который мы назвали дискурсом прагматического индивидуализма. Этот дискурс представляет собой объяснительные модели различных жизненных выборов в сфере занятости и семьи, совершаемых молодыми женщинами на основе компетентного рационального выбора.

Занятость: способы стабилизации на нестабильном рынке труда

Молодые женщины в интервью рассказывают о длительном процессе выхода на рынок труда, который часто начинается уже во время получения формального профессионального образования. Информантки рассказывают об опыте участия в различных проектах, выполнении индивидуальных заказов (например, разработка сайта, написание текстов для интернет-изданий и др.), неформальной занятости в сфере услуг (например, консультант по шоппингу, дизайнер интерьеров, продавец в арт-галерее, экскурсовод, психологический консультант и пр.). Участницы исследования, имея высшее образование, претендуют на хорошо оплачиваемые позиции среднего класса, то есть работу в сферах современной постиндустриальной экономики, связанной с производством знания, информации, управленческих решений, дизайна и пр. Это высококонкурентные позиции, что особенно ощущают молодые женщины, не имеющие значимого опыта работы. Респондентки рассказывают о конфликтах, «интригах» в коллективе, негативном отношении со стороны руководства, которое предвзято оценивает их усилия. Они сталкиваются с необходимостью переработок, слишком высокой рабочей нагрузкой и стрессом. К 30 годам молодые женщины успевают сменить три-четыре места работы, то есть продолжительность стажа на одном месте составляет не более двух-трех лет.

Переход от учебы к постоянной занятости — длительный, сложный и диффузный процесс. Он институционально поддерживается архитектурой высшего образования, позволяющей менять специализацию при переходе на разные уровни образования, делать перерыв между ними, выходить на рынок труда и потом возвращаться в образование, а также получать дополнительное профессиональное образование, напрямую не связанное с имеющимся дипломом [Чередниченко, 2020]. Такая диффузность определяется также устройством рынка труда, который включает достаточно большой по объему и разнообразный по содержанию сегмент проектной занятости и работ по временным контрактам [Gimpelson 2019; Мобильность и стабильность, 2017].

Молодые женщины в процессе выхода на рынок труда находят для себя преимущества прекарной, нестабильной занятости, поскольку она, по их мнению, дает возможность получить ценный профессиональный опыт, увеличить социальный капитал и расширить границы своей профессиональной компетенции. Также в таком формате занятости они видят возможности для самореализации. Частую смену места работы они рассматривают как способ поиска более интересного, творческого и содержательного труда. Респондентки говорят, что на этом этапе своей биографии они не стремятся к формальной занятости и получению постоянной позиции, поскольку их ожидания от работы связаны с личностным ростом и освоением новых знаний и навыков, возможностью найти свою профессиональную нишу. Приведенная ниже цитата из интервью является одним из примеров рассказа о выходе на рынок труда, связанным с несколькими сменами сферы деятельности, низкой оплатой труда, которые рассматриваются как оправданные условия, поскольку дают возможность получения опыта. Респондентка начинает работать продавцом, потом становится менеджером, а затем переходит на творческую работу. В данном отрывке из интервью она говорит о своей менеджерской позиции:

*После этого я ушла работать менеджером по закупкам <...> Меня порекомендовали по знакомству в эту контору: **без опыта работы, без всего взяли**. Там я проработала четыре года, с трудовой книжкой, единственное, что **зарплата была серая**. То есть я получала в конверте, официально там получала 12 000 рублей. Но эта **работа была очень интересная, и я безумно благодарна** руководителю этой фирмы, который помогал, и он из меня сделал неплохого профессионала своего дела. Через четыре года я поняла, что **в этой сфере работать я больше не хочу, но зато я побывала в Японии, я побывала в Корее, научилась вести переговоры, и в общем опыт был потрясающий**. (Мария², 31 год, замужем, ребенку 1 год)*

Такой проектный способ выстраивания своей профессиональной траектории характерен для периода окончания формального высшего образования и перехода от учебы к занятости. Однако он переструктурируется информантками в связи с появлением у них репродуктивных планов. Женщины, планирующие материнство,

² Эмпирическое исследование было выполнено с соблюдением всех требований исследовательской этики. У респонденток было получено информированное согласие об участии в интервьюировании и использовании материалов интервью для анализа и публикаций результатов исследования. Транскрипты интервью были полностью анонимизированы. В описании интервью в тексте статьи используются псевдонимы респонденток.

меняют свои требования к рабочему месту. В этом случае для них становится важным формальный тип занятости, наличие четко прописанных договорных отношений с работодателем («белая» зарплата и гарантии занятости). При выборе места работы они учитывают тип предприятия (форма собственности и размер компании), что позволяет рассчитывать на дополнительную поддержку в связи с рождением ребенка в рамках корпоративной социальной политики. Молодые женщины также оценивают все возможности, которые дает им данное рабочее место при выходе из декрета. В приведенной ниже цитате респондентка говорит о своем месте работы в крупной международной компании как идеальном с точки зрения поддержки медицинских расходов во время беременности и родов:

*С этого места [работы] я никуда не хочу уходить. У нас **есть хорошая ДМС программа** премиум-сегмента, она покрывает топовые клиники, включает и стоматологию, и чистки каждые полгода, массажи у нас есть. Дальше, очень хорошая **страховка у нас по ведению беременности и родам**, которую оплачивает работодатель, если ты проработал в компании больше двух лет. Дальше, в моем, например, случае, у меня был перерыв на декрет, и по программе ты должен отработать два года. Я не отработала, но по договоренности — просто попросила — и мне сказали: ну конечно, ты же у нас человек, который в компании давно работает, мы тебе страховку все равно оплатим. (Анна, 31 год, замужем, ребенку 3 года)*

Возвращение на рынок труда прагматично оценивается информантками как событие, сопряженное с высокими рисками возможной потери места работы. Они хорошо осведомлены о законодательных трудовых гарантиях, на которые они могут рассчитывать, и знают о проблеме дискриминации молодых матерей со стороны работодателей. Участница исследования Елена столкнулась с дискриминацией при выходе на работу из отпуска по уходу за ребенком, но смогла решить эту проблему, настояв на своих трудовых правах:

Через два года, будучи в декрете, я позвонила начальнице и сказала, что я готова выйти, я получила очень такой... у меня получилась очень жесткая беседа. Она сказала: «Зачем ты будешь сейчас выходить? Ты нам все испортишь». Хотя я очень хорошим была сотрудником, не было ко мне никаких нареканий. Я говорю: «Слушайте, мне надо работать». Она [начальница] сказала: «У нас сейчас работает временный сотрудник, у нас тяжело, мы ночами не спим». Я уже ей не очень доверяла, я увидела, что она меня обманывает в каких-то своих интересах. И я потом позвонила и сказала, что я выйду через месяц, что у меня такая ситуация. (Елена, 27 лет, замужем, ребенку 4 года)

Материнство вносит коррективы в представления молодых женщин о желаемом формате занятости и условиях работы, однако стремление к самореализации и поиску интересной работы по-прежнему остается ведущим способом интерпретации своей профессиональной траектории. На основе анализа наших данных мы выделили три объяснительных модели построения профессионального трека в связи с реализацией репродуктивных планов. Первая — стремление сохранить достигнутую профессиональную позицию, связанные с ней привилегии и карьер-

ные возможности. В этом случае молодые женщины до выхода в декрет имеют карьерный задел и встроены в те сектора занятости, где возможно продвижение по служебной лестнице. Респондентки, использующие эту объяснительную модель в своих биографических нарративах, рассказывают, что они приняли решение выйти на работу раньше, чем это позволяет законодательство, регламентирующее срок отпуска по уходу за ребенком. Дискурс прагматического индивидуализма в данном случае задает оценку своего выбора как правильного, связанного с ориентацией на экономическую самостоятельность и профессиональную реализацию. Он также включает пересмотр стандартов заботы о ребенке, нормализуя опыт использования услуг няни или помощи бабушек.

Вторая объяснительная модель связана с представлением периода отпуска по уходу за ребенком как времени для саморазвития, начала новых проектов и переформулировки жизненных планов. Этот период рассматривается как хорошая возможность для «поиска себя», нахождения новых профессиональных ниш, которые в большей степени соответствуют собственным интересам и увлечениям по сравнению с тем типом занятости и местом работы, с которого молодые женщины ушли в декрет. Получаемые в период отпуска за ребенком выплаты, а также гарантии сохранения рабочего места в течение трех лет интерпретируются респондентками как институциональная поддержка возможности получить свободу для биографических экспериментов. Новые проекты, реализуемые молодыми женщинами, часто связаны с выполнением функции социального материнства и использованием своих знаний и компетенций в роли экспертов женского жизненного опыта. Такой тип проектной занятости позволяет им вписать свои новые профессиональные интересы в заботу о ребенке. Примерами являются открытие интернет-магазина товаров для детей, изготовление домашних кондитерских изделий на продажу, организация частных прогулочных, развивающих групп и семейных детских садов, дизайн интерьеров и др. Оценивая риски и стремясь сделать новые проекты успешными и устойчивыми, молодые женщины получают второе высшее или дополнительное профессиональное образование в сфере выбранной специализации. «Освободившееся» от формальной работы время они могут в какой-то мере использовать на получение нового образования, выбирая заочную или дистанционную форму обучения.

Третья объяснительная модель развития жизненного проекта после рождения ребенка связана с представлением о материнстве как альтернативе «бредовой работы» [Гребер, 2020]. В этом случае забота о ребенке представляется как сфера деятельности, свободная от бюрократического регулирования и логики капиталистического производства, предоставляющая женщинам возможность удовлетворить свои «истинные» эмоциональные и экзистенциальные потребности, связанные с интимностью, а также большими возможностями контроля над своей собственной жизнью, организацией повседневности и общения с другими. Разделяя идеологию самореализации, информантки рассказывают о своем выборе интенсивного материнства и отказе от стандартизированной профессиональной занятости на этом этапе жизненного цикла как результате индивидуального решения. «Профессионализация» материнства предполагает, что женщины осваивают новые знания и развивают свои материнские и личностные компетенции

для того, чтобы максимально полно удовлетворять потребности ребенка в теплой, персонифицированной заботе. У многих респонденток до рождения ребенка был опыт профессиональной деятельности, которому они дают негативную оценку, описывая выполняемую ими работу как скучную, бессмысленную и однообразную. Подобные интерпретации используются для обоснования такого жизненного выбора. При этом молодые женщины не полностью отказываются от идеи профессиональной занятости в будущем, однако не рассматривают ее в качестве необходимой на данном этапе жизненного цикла.

Таким образом, в нарративах молодых женщин городского образованного среднего класса занятость представлена как проектная, нестабильная, которая, однако, рассматривается ими как привлекательная на определенном этапе их жизненного цикла, связанного с окончанием формального профессионального образования и переходом к взрослости. Принятие решения о рождении ребенка — важная перспектива, которая изменяет представления молодых женщин о желаемом месте работы, когда стабильная формальная занятость становится более привлекательной по сравнению с возможностью поиска и реализации себя. Крупные и средние предприятия, относящиеся к госсектору, к крупному, транснациональному бизнесу, приобретают большую привлекательность для молодых женщин главным образом за счет возможностей получения гарантированного государственного и корпоративного пакета поддержек. При этом прагматичное восприятие возможностей получения гарантий занятости и поддержек, связанных с предприятием, не меняет общего способа объяснения стратегии занятости как диффузной и нестабильной. Стремление к стабилизации занятости может рассматриваться как способ минимизации экономических рисков на этапе активного материнства, то есть периода декретного отпуска и отпуска по уходу за ребенком. Последующее за рождением ребенка возвращение на рынок труда также представляет собой ситуацию неопределенности, неустойчивой занятости и рисков, связанных с потерей работы или ухудшением условий труда.

Семья, или как застраховаться от неудачи в браке

Семья и родительство выступают одним из значимых жизненных проектов молодых женщин образованного среднего класса. В отличие от сферы занятости, которая представлена как нестабильная часть жизни, семью информантки определяют как стабильное и контролируемое ими жизненное пространство.

Нарративы респонденток о браке и репродукции структурированы вокруг схожего ряда событий и способов их интерпретации, они в большой степени стандартизированы и сходны по содержанию. Типичный рассказ о замужестве структурирован следующим образом:

- знакомство и начало отношений с будущим партнером, который хабитуально и социально близок;
- дальнейшее развитие отношений, предполагающее период совместного проживания, который понимается как период тестирования отношений;
- принятие решения о браке с учетом репродуктивных планов;
- заключение официального союза, с которым сопряжено рождение первого ребенка.

Далее представлены нарративы об истории брака, структурированные вокруг данного набора событий и способов их интерпретаций:

*Муж у меня старше на пару месяцев — мы с ним одногодки. Мы познакомились в университете, давно еще, соответственно. Встречались, в 14-м году поженились. <...> **Потому что любим друг друга — как по-другому сказать.** В 16-м году родился Вася. (Ольга, 32 года, замужем, ребенку 2,5 года)*

*Мы познакомились в институте, мы учились на одной специальности, со второго курса где-то сидели за одной партой, практически. **Мы сначала дружили, потом начали встречаться.** Встречались около пяти лет; после института, **когда более-менее стало понятно, что я уже на работу устроилась, и он, мы поженились.** (Вероника, 27 лет, замужем, ребенку 4 года)*

Анализ материалов интервью также показал, что в нарративах молодых женщин брак представляется проектом, требующим планирования и оценки возможных рисков. Он выстраивается в долгосрочной перспективе, что делает значимыми его стабильность и предсказуемость. Сами рассказы о знакомстве с партнером, дальнейшем развитии отношений в браке выглядят довольно рационализированными и «эмоционально дистиллированными». В них нет рассказов о сильных эмоциональных проявлениях любви и страсти, о конфликтах и недопонимании. На уровне нарративов респондентки разделяют эмоциональную культуру, типичную для западного среднего класса [Illouz, 2007], предполагающую менеджмент эмоций и умение подстраивать их под социально-культурный контекст ситуации. Они демонстрируют умение «правильной» репрезентации чувств, нормализуя свою любовную и брачную историю в соответствии с конвенциональным культурным сценарием буржуазной семьи среднего класса. Этот сценарий выстраивается на основе ценности любви как индивидуализированного выбора партнера, к которому предъявляются достаточно рационализированные требования социальной близости, умения разделять личностные устремления и интересы, поддерживать стремление к саморазвитию, а также наличия у партнера ресурсов для обеспечения стиля жизни образованного среднего класса.

Чтобы минимизировать возможные риски индивидуального брачного проекта, информантки прибегают к дискурсу прагматического индивидуализма, который применительно к сфере интимности и семейных отношений наиболее ярко проявляется в обсуждении таких сквозных для интервью категорий, как «рассчитывать на себя», «подушка безопасности», «саморазвитие в браке».

Обсуждение категории «рассчитывать на себя» возникает в контексте проблематизации стабильности брака. Несмотря на то, что молодые женщины образованного среднего класса стремятся выстроить стабильные, «нормальные» отношения в долгосрочной перспективе, этапы которых планируются (брак, рождение ребенка, приобретение совместной собственности), они оценивают потенциальные риски брака, главным образом связанные с разводом. Логика прагматического индивидуализма позволяет женщинам представлять себя как субъектов, способных контролировать развитие брачного проекта:

Только за свой счет [выживать в случае развода]. Я, конечно, могу рассчитывать на алименты, но мне не нравится, что сейчас очень часто бытует мнение, я читаю на Пикабу разные жизненные истории, что женщина считает, что ей должны, ей должен мужик, ей должны, кто-то еще должен. Соответственно, женщины разводятся, с мужика тянут алименты, мне это не нравится. У меня благо таких знакомых нет, и это чисто в теории, **я сторонник того, что только сама**. (Мария, 31 год, замужем, ребенку 1 год)

Категория «рассчитывать только на себя» предполагает умение оперировать доступными ресурсами и возможностями для поддержания собственного благополучия и благополучия своих детей. В представленных ниже цитатах молодые женщины перечисляют источники стабильности, к которым относятся родительская семья, собственность, профессиональные позиции на рынке труда:

Я чувствую себя достаточно защищенной благодаря тому, что **есть недвижимость, есть профессия, есть родители** с двух сторон на ногах, **есть муж**, ребенок один — не большой. (Наталья, 32 года, замужем, ребенку 4,5 года, ожидает второго ребенка)

Хотелось бы, чтобы **помощь мужа** была просто как... мне не хочется ее выпрашивать и слишком на нее рассчитывать — мало ли в каких отношениях мы могли бы развестись. Поэтому нет, **я, наверно, склонна только на себя рассчитывать и на поддержку семьи — родительской** в случае развода. (Анжелика, 28 лет, замужем, ребенку 3,5 года)

Таким образом, разделяя дискурс прагматического индивидуализма, информантки представляют себя независимыми субъектами, способными справиться с различными жизненными сложностями и прагматично оперирующими доступными ресурсами. Дискурс прагматического индивидуализма помогает справиться с ситуацией потенциальной брачной нестабильности, экономической уязвимости, зависимости от доходов партнера и родительской семьи.

Другой категорией, которая составляет дискурс прагматического индивидуализма, является «подушка безопасности». Это личные денежные накопления на «черный день», которые могут быть использованы в случае развода, болезни одного из членов семьи, потери работы и т. п. «Подушка безопасности» также может означать недвижимость и другое совместное имущество, приобретенные в браке, на которые респондентки рассчитывают в случае развода. В интервью и обсуждениях на форумах встречаются рассказы о том, каким образом в рамках действующего законодательства женщины могут «застраховать» себя от раздела совместно нажитого имущества с бывшим супругом. Например, информантки обсуждают плюсы и минусы различных способов получения юридических гарантий сохранения своего экономического благополучия в случае развода, такие как оформление брачного договора, нотариально заверенного отказа партнера от претензий на раздел имущества или договора дарения движимого или недвижимого имущества, который в этом случае оформляется между родителями женщины и ней самой. «Подушка безопасности» представляет собой страховочный механизм в либерально индивидуализированном видении информантки своей

уязвимой позиции в семье и на рынке труда. Накопления и другие формы имущества рассматриваются респондентками как личные активы, которые формируются и управляются непосредственно ими и могут быть использованы для поддержания их личного благополучия или их кровных родственников (родителей и детей). Знания о «мерах безопасности» функционируют как народная мудрость, которой женщины делятся между собой. В следующей цитате участница исследования рассказывает о своей начальнице, которая дает ей житейский совет:

*Она [начальница] сказала: «В любом случае тебе нужна „**подушка безопасности**“». Она рассказала, что эта подушка безопасности помогла ей очень сильно при разводе и при тяжелом случае в семье, потому что у нее заболела мама. Она сказала, что на человека... грубо выражалась: «На рыло нужно 200 тысяч». Перед разводом она пришла как раз к тому, что у нее были **на себя и на ребенка** эти двести тысяч, и за счет этих денег она смогла переехать в Москву, **помочь вылечиться маме**, устроить дочку и как бы самой еще в это время найти работу. Она очень мудрый человек. (Ирина, 30 лет, замужем, ребенку 4 года)*

«Саморазвитие», являясь одной из осевых категорий биографических нарративов молодых представительниц городского образованного среднего класса, также используется ими в рассказах о браке. Разделяя высокую ценность семьи и материнства, сам брак они понимают как потенциально опасную для себя область, которая, давая иллюзию стабильности, может лишить женщину субъектности и стимулов для саморазвития, приводит к личностной деградации. Полное посвящение себя браку, по мнению информанток, потенциально снижает конкурентоспособность как на рынке труда, так и на брачном рынке в случае развода.

*Сейчас есть много женщин: они рожают детей, встали за мужем и думают, что все так всегда и будет, себя **они никак не развивают**, они, грубо говоря, положили себя на алтарь семьи. Но в какой-то момент муж их может посмотреть направо — налево, и жена ему уже не нужна. А кому нужна жена, которая 15 лет не работала? Детям она тоже не нужна, потому что она их уже вырастила. И, соответственно, мне кажется, что через 10—15 лет мы придем к дикому разладу в женском обществе, потому что будет одна часть успешных, **самореализованных, развивающихся** женщин, а вторая часть это будет, назовем их, «**брошенки**», **которые никому не нужны, и они будут с диким чувством самонеподовлетворенности и депрессивного состояния**. (Людмила, 30 лет, замужем, двое детей 6 и 3 лет)*

Как показывает приведенная цитата, под саморазвитием в контексте брачных отношений понимается не только постоянное профессиональное самообразование, но и освоение новых знаний в сфере приватности и хобби. К ним относятся обучение иностранным языкам, кулинарному искусству, навыкам сомелье, интерьерному и ландшафтному дизайну, актерскому и ораторскому мастерству и др. Саморазвитие также связано и с прокачкой эмоциональных компетенций в сфере партнерских и детско-родительских отношений, что выражается в активном освоении популярной психологии (книги, журналы, видеолекции, подкасты

по популярной психологии, тематические форумы), а также в использовании услуг психологов и семейных консультантов.

Таким образом, семья является жизненным проектом молодых представительниц городского образованного среднего класса. Они пытаются придать ей смысл убежища от неопределенности рынка труда, при этом осознавая потенциальные риски, связанные с разводом. При этом восприятие семьи носит парадоксальный характер. С одной стороны, респондентки рассматривают семью и своего партнера как источник благосостояния для себя и своих детей. С другой стороны, молодые женщины выстраивают свой семейный проект на основе прагматического индивидуализма, пытаются минимизировать свои потери в случае неудачи, диверсифицируя свои ресурсы и интересы, не связывая их исключительно с выполнением своих семейных ролей. Нормализация брачно-любовного сценария совмещается с их представлением о важности качества партнерских отношений и рассматривается как способ стабилизации приватности. Несмотря на понимание нестабильности института семьи, молодые женщины мыслят сферу интимности как более подконтрольную им и зависящую от их индивидуальных усилий по сравнению с рынком труда.

«Кто чувствует себя социально защищенной в наше время?»

Отношение работающих женщин к мерам государственной поддержки

Если в нарративах о рынке труда и браке респондентки представляют себя как независимых субъектов, способных минимизировать потенциальные риски неуспешности и неблагополучия за счет коммодификации своих профессиональных знаний и навыков и аккумуляции доступных им семейных ресурсов, то использование государственной помощи ставит под вопрос их респектабельность, помещая их как получателей государственной помощи в символические отношения нужды, зависимости и социального и экономического неблагополучия. Восприятие молодыми женщинами социальной политики государства, таким образом, амбивалентно, поскольку понимание государственной помощи как в первую очередь помощи бедным совмещается с желанием воспользоваться всеми доступными поддержками. Амбивалентность в отношении к государственной поддержке (размеру пособий, доступности и качеству социальных услуг) выражается, с одной стороны, в артикулировании того, что респондентки не рассчитывают на государство, не рассматривают его как источник благосостояния и декоммодификации [Esping-Andersen, 1990] своей позиции, а с другой — в стремлении воспользоваться имеющимися у них правами в полном объеме вне зависимости от уровня экономического положения семьи. Это противоречие разрешается при помощи дискурса прагматического индивидуализма.

Рассказы о получаемой от государства помощи главным образом связаны с таким биографическим событием, как рождение ребенка. Респондентки упоминают в своих нарративах следующие получаемые ими поддержки: декретный отпуск, отпуск по уходу за ребенком, пособия и выплаты, связанные с рождением ребенка, пособия малоимущим семьям, помещение ребенка в детские дошкольные учреждения. Выстраивая дискурсивную презентацию себя как успешных и самостоятельных, молодые женщины демонстрируют социальную компетент-

ность и агентность в пространстве социальной политики. Такая социальная компетентность представляет собой специфический классовый культурный капитал, позволяющий найти необходимую информацию о всех доступных пособиях и льготах, условиях и способах их получения, воспользоваться ими и проконтролировать полноту их предоставления. В приведенной ниже цитате участница исследования демонстрирует социальную компетентность в похожем образом:

Я сразу узнала, что мне положено, когда забеременела: встала на учет в консультацию на ранних сроках. Там за это полагается какая-то небольшая выплата. Она, конечно, погоды не делает, но все же приятно что-то получить. Потом я вместе с нашим бухгалтером посчитала, какие мне декретные выплаты полагаются, и потом строго проследила, чтобы мне все выплатили, все, что полагается, единоразовые выплаты по рождению тоже оформила и детскую карту получила. (Виктория, 35 лет, замужем, дети 7 лет и 1 года)

Даже если объем материальной помощи от государства не является критически важным вкладом в семейный бюджет и не рассматривается как мотив принятия решения о рождении ребенка, информантки стремятся максимизировать полезность доступных выплат и льгот, поскольку это способ продемонстрировать свое умение «устроиться в жизни». Такое умение подразумевает социальную ловкость, позволяющую сочетать и максимизировать разные виды доходов, льгот, пособий, что дополняется компетенциями и умением «тратить деньги с умом». В этой логике право на получение социальной поддержки интерпретируется респондентками как приятный бонус или то, что «капает» на их личный счет, который они могут получить от государства дополнительно к семейным доходам и собственному заработку на рынке труда. Именно благодаря этой логике информантки не рассматривают получаемые ими государственные выплаты для малоимущих или многодетных семей как символически понижающие их социальный престиж уважаемых представительниц среднего класса. Следующая цитата показывает, что семья среднего класса с «хорошей зарплатой» активно пользуется всеми доступными выплатами, на которые имеет формальное право:

*До полутора лет все было прекрасно. Потому что у **меня хорошая зарплата**, и поэтому у меня был **максимальный больничный** на весь период. Это довольно **приличная сумма**. И потом **ежемесячные выплаты тоже были максимальные** — что тоже прилично. Плюс четыре тысячи я получала ежемесячно от государства, на детскую карту капало. И потом с полутора лет до дня рождения второго ребенка получалось, что по 900 рублей капало в месяц. **Тогда я подала на дополнительное пособие для малообеспеченных семей**. У мужа моего была очень низкая официальная зарплата. Поэтому мы попадали в раздел малообеспеченных семей.* (Елена, 27 лет, замужем, двое детей 6 и 4 лет)

В целом, дискурсивно представляя свою социальную уважаемость, молодые представительницы образованного среднего класса не рассматривают государственную помощь в качестве значимого источника экономической стабильности и социальной защищенности. Так же как и рынок, и брак, социальная политика кажется информанткам нестабильным источником благополучия, по-

скольку, по их мнению, правила и формы государственной поддержки постоянно меняются, а вводимые программы социальной политики часто имеют ограниченный срок действия. В следующей цитате из интервью респондентка называет свое отношение к государственной помощи «скептическим», поскольку она не компенсирует расходы на поддержание стандартов жизни среднего класса, на которые ориентирована участница исследования:

*Я очень **скептически отношусь к нашему государству**. Меня периодически очень смешат новости, что кому-то подняли зарплату на 200%, когда это в денежном эквиваленте 50 рублей. Или что индексация пенсий была ого-го-го какой, а в рублях это три рубля — это достаточно смешно. Когда в общем-то прожиточный минимум — это реально те деньги, которые равны просто моей квартплате. А на что жить, в общем-то? Не очень понятно. Я считаю, что это не социальная защищенность. (Вера, 29 лет, замужем, ребенку 3 года)*

Разделяя дискурс прагматического индивидуализма, в ситуации, когда основные источники благополучия (рынок, брак, государство) кажутся источниками риска, молодые женщины образованного среднего класса представляют себя в качестве компетентных субъектов, обладающих агентностью, способных использовать все доступные ресурсы и максимизировать любые потенциальные выгоды, связанные с их социально-экономическим статусом: рыночные, государственные, семейные, эффективно комбинируя и сочетая их по мере необходимости. Кредо прагматического индивидуализма может быть резюмировано словами одной из наших информанток:

Надо на себя надеяться. На других надейся, а сам не плошай. (Анна, 31 год, замужем, один ребенок 3 года)

Таким образом, дискурс прагматического индивидуализма определяет отношение молодых женщин — представительниц городского образованного среднего класса к мерам социальной помощи государства. Специфика их позиции в отличие от других социально-экономических групп заключается в том, что они, обладая достаточным объемом ресурсов, главным образом, капиталами родительской семьи, собственными доходами от оплачиваемой занятости и общим семейным бюджетом, позволяют им воспроизводить стиль жизни среднего класса без учета вклада со стороны государства. Обладая высоким культурным и социальным капиталом, они находятся в более выигрышной позиции за счет имеющихся у них знаний и навыков поиска и анализа информации, что делает их компетентными потребителями социальных услуг. Молодые женщины хорошо разбираются в мерах социальной помощи государства, умеют собрать и подать необходимые документы, активно используют онлайн-сервисы государственных услуг, что позволяет им сократить временные затраты на прохождение бюрократических процедур. При этом в биографических нарративах они артикулируют двоякое отношение к социальным поддержкам со стороны государства, сочетая недоверие к государству как источнику благополучия с желанием максимально использовать все причитающиеся им меры поддержки. Для многих важным способом демонстрации собственной

социальной компетентности оказывается не столько реальный объем получаемых благ, сколько сам факт получения от государства всех возможных поддержек.

Заключение

Способы построения нарративных идентичностей и формы говорения о себе являются одним из способов атрибуции и социального позиционирования себя как представителя класса. Наряду с «объективными», видимыми знаками классовой принадлежности дискурсивная демонстрация своей респектабельности, социально приличного лица становятся еще одним способом подтверждения принадлежности к классу. Дискурсивное производство стиля жизни в нарративах происходит через нормализацию своей биографии, вписывание ее в культурные образцы, имеющие видимое гендерное и классовое оформление. Представления о приличии оформляется в соответствии с социальными нормами и системой моральных оценок, предоставляющих возможность продемонстрировать свое достоинство. Нормализация биографий реализуется через презентацию ее как достойной, соответствующей представлениям о приличии (*respectability*) не только через выстраивание сюжетной линии нарратива, но и посредством воспроизводства определенных способов говорения о себе, дискурсивного представления себя другим и для получения внешнего морального одобрения.

Молодые женщины образованного среднего класса включены в процессы классового производства и культурного различия. Они находятся в относительно привилегированной позиции с точки зрения имеющихся у них ресурсов: материальный вклад родительской семьи, профессия среднего класса, культурные ресурсы, связанные с навыками поиска информации, эмоционального самоконтроля, классового вкуса, дающего возможность правильного потребления и реализации стиля жизни среднего класса. Все эти ресурсы позволяют информанткам поддерживать свое социальное лицо и социальную респектабельность, представлять себя в качестве носителя культурной нормы, осуществлять работу по сигнификации и легитимации своего социального статуса через нормализацию своей биографии. Дискурс прагматического индивидуализма задает логику презентаций молодыми представительницами городского образованного среднего класса их профессиональных и семейных траекторий, отношения к государству. Он по-разному реализуется в рассказах молодых женщин об оплачиваемой занятости, семье и государстве как источниках благополучия и достойной жизни. Идеи саморазвития и необходимости «рассчитывать только на себя» являются сквозными, выступая своеобразными страховочными механизмами в более широком контексте нестабильности и возрастающих рисков.

Дискурс прагматического индивидуализма позволяет молодым женщинам образованного среднего класса представлять себя как обладающих достаточными знаниями и ресурсами для предотвращения понижения их социально-экономического статуса и избегания символического исключения по отношению к культурным нормам, задающим социальные конвенции о приличной и достойной жизни. На рынке труда этот дискурс позволят им переинтерпретировать в позитивных терминах сложности выхода на рынок труда и получения стабильной занятости, оправдывать прекарность своих позиций. В сфере семейных отношений он

позволяет справляться с нестабильностью брачных отношений. Применительно к социальной поддержке со стороны государства прагматический индивидуализм предлагает практические рецепты действия в ситуации несоответствия доступных им мер поддержки реальным тратам на поддержания стиля жизни среднего класса, позволяя максимально использовать доступные меры помощи.

Список литературы (References)

Абрамов Р. Н., Зудина А. А. Социальные инноваторы: досуговые практики и культурное потребление // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 6. С. 109—119. URL: [https://book.wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2010/100/2010_6\(100\)_14_Abramov_Zydina.pdf](https://book.wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2010/100/2010_6(100)_14_Abramov_Zydina.pdf) (дата обращения: 20.12.2020).

Abramov R. N., Zudina A. A. (2010) Social Innovators: Leisure Practices and Cultural Consumption. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 109–119. URL: [https://book.wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2010/100/2010_6\(100\)_14_Abramov_Zydina.pdf](https://book.wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2010/100/2010_6(100)_14_Abramov_Zydina.pdf) (accessed: 20.12.2020). (In Russ.)

Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.

Bauman Z. (2008) *Liquid Modernity*. St. Petersburg: Piter.

Гладарев Б. Цинман Ж. Потребительские стили петербургского среднего класса: из экономики дефицита к новому быту // Экономическая социология. 2007. Т. 8. № 3. С. 61—81. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2007-3-61-81>.

Gladarev B., Tsinman Zh. (2007) Consumer Styles of the Saint-Petersburg Middle Class: from the Economy of Deficit to New Way of Life. *Economic Sociology*. Vol. 8. No. 3. P. 61–81. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2007-3-61-81>. (In Russ.)

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2000.

Goffman E. (2000) *The Presentation of Self in Everyday Life*. Moscow: KANON-press-C, Kuchkovo pole. (In Russ.)

Гребер Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020.

Graeber D. (2020) *Bullshit Jobs: A Theory*. Moscow: Ad Marginem Press.

Дюк Н. М. Первое свободное поколение: молодежь, политика и идентичность в России, Украине и Азербайджане // Вестник общественного мнения. 2003. № 1. С. 53—62. URL: <https://www.levada.ru/2011/06/12/vestnik-obshhestvennogo-mneniya-1-67-za-2003-god/> (дата обращения: 20.12.2020).

Djuk N. M. (2003) The First Free Generation: Youth, Politics and Identity in Russia, Ukraine and Azerbaijan. *The Russian Public Opinion Herald*. No. 1. P. 53–62. URL: <https://www.levada.ru/2011/06/12/vestnik-obshhestvennogo-mneniya-1-67-za-2003-god/> (accessed: 20.12.2020). (In Russ.)

Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018.

Inglehart R. (2018) *Cultural Evolution: How People's Motivations are Changing and How this is Changing the World*. Moscow: Mysl.

Левинсон А. О среднем классе в конце прекрасной эпохи // Вестник общественного мнения. 2008. Т. 6. С. 53—64. URL: <https://www.levada.ru/2011/06/13/vestnik-obshhestvennogo-mneniya-6-98-za-2008-god/> (дата обращения: 20.12.2020).

Levinson A. (2008) On Middle Class at the End of Belle Epoque. *The Russian Public Opinion Herald*. No. 6. P. 53—64. URL: <https://www.levada.ru/2011/06/13/vestnik-obshhestvennogo-mneniya-6-98-za-2008-god/> (accessed: 20.12.2020). (In Russ.)

Лернер Ю. Теле-терапия без психологии, или как адаптируют Self на постсоветском телеэкране // *Laboratorium: Журнал социальных исследований*. 2011. Т. 3. № 1. С. 116—137. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/35479092/> (дата обращения: 20.12.2020).

Lerner J. (2011) TV Therapy Without Psychology: Adapting the Self in Post-Soviet Media. *Laboratorium: Journal of Social Research*. Vol. 3. No. 1. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/35479092/> (accessed: 20.12.2020). (In Russ.)

Мобильность и стабильность на российском рынке труда / под общ. ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшникова. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2017.

Gimpelson V. E., Kapeliushnikov R. I. (eds.) (2017) *Mobility and Stability in the Russian Labor Market*. Moscow: HSE Publishing House.

Радаев В. В. Миллениалы: как меняется российское общество. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2020. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2160-1>.

Radaev V. V. (2020) *Millennials: How the Russian Society Changes*. Moscow: HSE Publishing House. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2160-1>. (In Russ.)

Тихонова Н. Е. Человеческий капитал среднего класса России // *Народонаселение*. 2010. № 1. С. 55—66. URL: <http://www.isesp-ras.ru/numbers/2010-1> (дата обращения: 20.12.2020).

Tikhonova N. Ye. (2010) Human Capital of the Middle Class in Russia. *Population*. No. 1. P. 55—66. URL: <http://www.isesp-ras.ru/numbers/2010-1> (accessed: 20.12.2020). (In Russ.)

Ушакин С. А. Количественный стиль: потребление в условиях символического дефицита // *Социологический журнал*. 1999. № 3—4. С. 187—214. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=617&l=&j=1&base (дата обращения: 20.12.2020).

Ushakin S. A. Quantitative Style: Consumption under Symbolic Scarcity. *Sociological Journal*. No. 3—4. P. 187—214. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=617&l=&j=1&base (accessed: 20.12.2020). (In Russ.)

Чередниченко Г. Положение на рынке труда выпускников системы высшего и среднего профессионального образования // *Вопросы образования*. 2020. № 1. С. 256—282. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-1-256-282>.

Cherednichenko G. (2020) Employment and Labor Market Outcomes of College and Vocational School Graduates. *Educational Studies Moscow*. No. 1. P. 256—282. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-1-256-282>.

Чернова Ж. Специфика гендерных отношений молодых взрослых // Социологические исследования. 2012. № 7. С. 118—127. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2012_7/Chernova.pdf (дата обращения: 20.12.2020).

Chernova Zh. (2012) Specificity of Gender Relations Among Young Adults. *Sociological Studies*. No. 7. P. 118–127. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2012_7/Chernova.pdf (accessed: 20.12.2020). (In Russ.)

Чернова Ж., Шпаковская Л. Политэкономика современного родительства: сетевое сообщество и социальный капитал // Экономическая социология. 2011. Т. 12. № 3. С. 85—105. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2011-3-85-105>.

Chernova Zh., Shpakovskaya L. (2011) Political Economy of Modern Parenthood: Network Society and Social Capital. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 12. No. 3. P. 85–105. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2011-3-85-105>.

Adamson M., Salmenniemi S. (2017) «The Bottom line is that the problem is you»: Aesthetic Labour, Postfeminism and Subjectivity in Russian Self-Help Literature. In: Elias A. S., Gill R., Scharff Ch. (eds.) *Aesthetic Labour. Rethinking Beauty Politics in Neoliberalism*. P. 301–316. https://doi.org/10.1057/978-1-137-47765-1_17.

Bourdieu P. (1996) *Distinction. The Social Critique of the Judgement of Taste*. London, New York: Routledge.

Esping-Andersen G. (1990) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Gimpelson V. (2019) The Labor Market in Russia, 2000–2017. *IZA World of Labor*. <https://doi.org/10.15185/izawol.466>.

Flick U. (2006) *An Introduction to Qualitative Research*. London: Sage.

Hochschild A. (1998) The Sociology of Emotion as a Way of Seeing. In: Bendelow G., Williams S. (eds.) *Emotions in Social Life. Critical Themes and Contemporary Issues*. London: Routledge. P. 3–15.

Illouz E. (2007) *Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism*. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity Press.

Lawler S. (2000) *Mothering the Self: Mothers, Daughters, Subjects*. London: Routledge.

Paxon H. (2004) *Making Modern Mothers: Ethics and Family Planning in Urban Greece*. Berkeley, CA: University of California Press.

Skeggs B. (1997) *Formation of Class and Gender. Becoming Respectable*. Lancaster: Sage, Lancaster University.

Shpakovskaya L. (2015) How to be a Good Mother: The Case of Middle Class Mothering in Russia. *Europe-Asia Studies*. Vol. 67. No. 10. P. 1571–1586. <https://doi.org/10.1080/09668136.2015.1101210>.

Zubarevich N. (2013) Four Russias: Human Potential and Social Differentiation of Russian Regions and Cities. In: Lipman M., Petrov N. (eds.) *Russia 2025: Scenarios for the Future*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. P. 67–85.